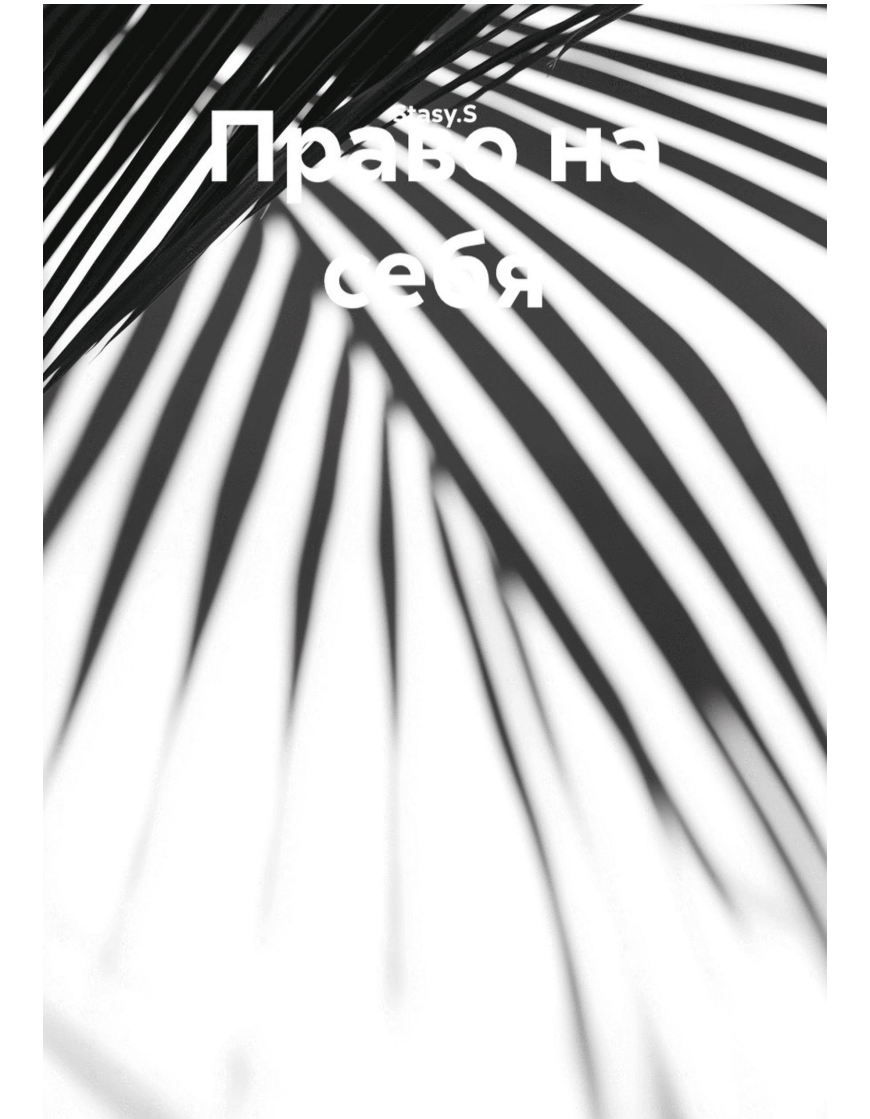

Easy.S

Право на себя

Stasy.S Stasy.S

Право на себя

<https://litres.ru/74653204>

SelfPub; 2026

Аннотация

История Фии — это история о том, что даже в самой глубокой тьме можно найти свет. Не потому, что тьма рассеивается. А потому, что кто-то зажигает фонари. И однажды ты понимаешь: ты сама можешь зажечь свой. И нести его дальше — для себя, для тех, кто рядом, для тех, кто ещё не нашёл дороги домой.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Право на себя

Глава 1

Фия перестала верить в людей в двадцать три года.

Не после предательства лучшей подруги, не после ухода отца из жизни и даже не после того, как ее молодой человек, сделавший ей предложение, сказал: «Ты слишком тяжелая, с тобой невозможно»

Нет. Это случилось в обычный вторник, когда она разливала по пакетам суп быстрого приготовления на складе, где проработала уже восемь месяцев. На складе не пахло жизнью. Там пахло картоном, пылью и чьим-то отчаянием.

Фия разочаровалась не в любви. Она разочаровалась в том, что у жизни вообще есть смысл. Утром – звонок будильника. Днем – чужие приказы. Вечером – пустой холодильник и сериал, который она досматривает только потому, что не может уснуть в тишине.

Она сидела на перевернутом ящике из-под лампочек, смотрела на свои стертые кроссовки и думала: «Неужели так будет всегда?»

Ответа не было. И это было хуже всего.

Отдел, в который ее перевели, назывался красиво: «Де-

партамент клиентского сервиса и лояльности». На деле же это была комнатуха на пятом этаже бизнес-центра «Север», где вечно шумела вентиляция, а окна выходили на глухую стену соседнего здания.

Ее новый начальник – Вячеслав Петрович – по легенде был «строгим и справедливым». По факту он оказался просто равнодушным. Фия привыкла к равнодушию. Оно не ранило. Оно было привычным, как плохая погода.

Каждый день был под копирку: пятнадцать неотвеченных писем, сорок семь звонков от недовольных клиентов, обед за пять минут (стоя у кулера), и в конце смены – ощущение, что из тебя вынули стержень, как из дешевой шариковой ручки.

- Ты чего такая смурная? – спросила однажды коллега Настя, поправляя стрелки на чулках.

- Устала, - ответила Фия

- Сходи в пятницу в клуб. Оттянешься.

Настя не понимала. И не должна была. Как объяснить человеку, что иногда ты настолько устаешь от фальшивых улыбок, что даже настоящая радость кажется подозрительной?

Единственным живым существом, которое ее по-настоящему радовало, был дворовый кот по кличке Картошка. Она подкармливала его у мусорных баков, сидя на корточках в плаще. Картошка терся о ее ладонь, урчал, и на три минуты Фие казалось, что она еще что-то значит.

Но три минуты проходили. И наступал новый день.

Перемены начались с банального документа. Фия забыла подписать акт сверки – во второй раз за месяц. Это был пустяк, но Вячеслав Петрович вызвал ее к себе и четверть часа втолковывал, как сильно она подводит команду. Его голос был ровным, как асфальтовый каток.

- Если ты не справляешься, есть очередь на твое место, - закончил он и махнул рукой на дверь.

В коридоре Фия прислонилась к стене. Она не плакала. Слезы кончились где-то в феврале. Она просто стояла, чувствуя, как внутри осыпается очередная плитка, которой она подпирала свою хрупкую самооценку.

И тут из соседнего кабинета вышел он.

Андрей Николаевич Туманов – руководитель IT-отдела. В компании о нем ходили странные слухи. Кто-то говорил, что он мягкий и его «съедят». Кто-то – что он бывший психолог. Правда была проще: он просто умел смотреть на людей так, будто они действительно существуют.

- Фия? – окликнул он.

Она вздрогнула. Они не были знакомы. Виделись разве что в лифте.

- Вы меня знаете? – спросила она хрипло.

- Я всех знаю по имени. Это моя маленькая слабость, — он улыбнулся краешком губ. — А ещё я вижу, когда человеку больно. Даже если он делает вид, что это просто усталость.

Фия не знала, что ответить. В её мире взрослые мужчины в пиджаках не замечали мелких сотрудниц из соседних от-

делов. Они проходили мимо. Всегда.

— Заходите, — он кивнул на свою дверь. — Кофе не предлагаю — он ужасный. Но могу дать пять минут тишины. У меня кресло удобное.

Она зашла. Почему? Наверное, потому что падать дальше было уже некуда. А в этом кресле — чёрном, кожаном, слишком большом для её спины — почему-то не хотелось сжиматься в комок.

Они разговаривали не о работе. Андрей Николаевич спросил, что она любит читать. Услышав, что Фия уже полгода не открывала книг, не ужаснулся и не прочитал лекцию. Он просто сказал:

— Знаете, Фия, есть одно правило. Я называю его «правилом бутерброда». Если жизнь кажется несъедобной — не пытайтесь проглотить её целиком. Откусите маленький кусочек. Прямо сейчас. Что принесёт вам радость в ближайшие десять минут? Горячий чай? Помыть голову вкусным шампунем? Посмотреть на облака?

— Сейчас шесть вечера, уже темно, — буркнула она.

— Тогда посмотреть на фонари. Они зажигаются не для

всех, а для тех, кто смотрит.

Фия подумала, что он говорит странные вещи. Но внутри — там, где всё было выжжено — что-то чуть-чуть шевельвалось. Не надежда. Пока нет. Просто любопытство.

— Вы всегда такой? — спросила она.

— Какой?

— Добрый. Это подозрительно.

Андрей Николаевич тихо засмеялся. У него был хороший смех — негромкий, будто он берег его для особенных слушателей.

— Я был таким же, как вы. Лет пятнадцать назад. Сидел на кухне, смотрел в стену и думал: «Зачем?» И меня вытащил один человек. Он просто предложил мне чай и не стал врать, что всё будет хорошо. Он сказал: «Будет по-разному. Но ты справишься». С тех пор я считаю, что лучшая благотворительность — это пять минут искреннего внимания к тому, кто рядом.

Фия не ответила. Она смотрела в окно. За тёмным стеклом действительно зажглись фонари. Жёлтые, неровные, та-

кие обычные. Но почему-то сейчас они казались ей самым красивым зрелищем за последние месяцы.

— Приходите завтра, — сказал он, открывая дверь. — У меня печенье есть. Без него чай становится совсем невыносимым.

Она кивнула.

А на следующий день впервые за долгое время проснулась без мысли: «Ну вот, опять».

Андрей Николаевич не пытался её спасти. Он вообще не говорил громких слов. Он просто каждый день находил три минуты, чтобы спросить: «Как ты сегодня? Честно».

И это оказалось страшнее любых нотаций. Потому что, когда кто-то искренне хочет услышать правду, ты вдруг понимаешь, как долго врал сам себе.

Фия пока не знала, выкарабкается ли. Но первый крошечный лучик пробился в её серый мир. И самое удивительное — этот лучик пах кофе, ужасным кофе из пластиковых стаканчиков, и имел имя человека, который когда-то сам сидел на тёмной кухне.

Она не пришла на следующий день. И через день — тоже.

Андрей Николаевич не писал, не звонил, не подкарауливал в коридоре. Он вообще обладал странным талантом: его забота не душила. Она просто существовала, как открытая дверь — войти можешь, но никто не тащит тебя за рукав.

Фия появилась в пятницу. Под глазами — фиолетовые тени, волосы стянуты в небрежный хвост, и пахнет от неё не сладкими духами, а той особенной пустотой, когда человек перестаёт за собой следить.

— Извините, — сказала она, переступая порог его кабинета. — Я...

— Не извиняйся, — перебил он мягко. — Садись.

Он снова назвал её на «ты». В прошлый раз это вышло случайно. В этот — намеренно. Фия заметила, но не подавала вида. Она села в то же чёрное кресло и уставилась в столешницу. На ней лежало печенье — «Юбилейное», в синей пачке. И две кружки. Одна с надписью «Лучший начальник» (ирония?), вторая — белая, без рисунка.

— Я не ела три дня, — сказала она вдруг. Словно не себе. Словно проверяла, как эти слова звучат в воздухе.

Андрей Николаевич не ахнул. Не полез обнимать. Не сказал дурацкое «ты что, с ума сошла?». Он просто кивнул и подвинул к ней кружку.

— Чай с мятой. Без сахара. Мятный чай не раздражает желудок, если долго не ела. Я проверял.

Она подняла глаза. Встретилась с ним взглядом — впервые по-настоящему. У него были некрасивые глаза. Слишком светлые, выцветшие, будто долго смотрели на солнце. Но в них не было жалости. Было что-то другое. Узнавание.

— С чего начать? — спросила она тихо.

— С любого места. Хоть с середины. Я догоню.

— Мне было семь, когда мамин сожитель впервые сказал, что я толстая, — начала Фия. Голос дрогнул, но она заставила себя продолжить. — Я не была толстой. Я была обычным ребёнком. Но он каждое утро, когда мать уходила на работу, взвешивал меня на напольных весах. Если я набирала хотя бы двести граммов — не давал завтракать. Говорил: «Девушка должна быть стройной, иначе кто тебя замуж возьмёт».

Она говорила, а руки её лежали на коленях — дрожащие,

с посиневшими венами, с обкусанными ногтями.

— В девять лет я уже знала, что такое рвота. Сама, без интернета, методом тыка. Ешь — потом боишься, что он увидит, и бежишь в туалет. Так быстрее. Безопаснее.

Андрей Николаевич сидел неподвижно. Только пальцы — он крутил в них колпачок от ручки. Не потому, что нервничал. А потому, что иначе, видимо, начал бы сжимать кулаки.

— Он тебя бил? — спросил он ровно.

Фия коротко, нервно рассмеялась.

— Бил? Это громко сказано. Он просто... ронял. Мог толкнуть так, чтобы я ударилась об угол. Или «случайно» задеть локтем в глаз. Мать говорила: «Ты сама виновата, не беси его». В двенадцать я научилась не плакать. Если не плачешь — он быстрее уходит. Слезы его бесили. Говорил, что я притворяюсь.

Она замолчала. Взяла кружку, поднесла к губам, но не отпила. Просто держала, согревая ладони.

— В школе надо мной смеялись. Не потому, что я страшная или глупая. Просто я была той девочкой, которая нико-

гда не ест на обед. Которая сидит на подоконнике и смотрит в окно. Странная, одним словом. А странных — бьют.

Она провела рукой по предплечью. Андрей заметил шрамы. Старые, белые полосы. Не от порезов — царапины, будто кошка. Но кошек у неё не было.

— Я не резала себя, если вы об этом. Это я... ногтями. Когда внутри становилось совсем невыносимо. Просто хотелось почувствовать хоть что-то, кроме пустоты.

— В пятнадцать я сбежала. Собрала рюкзак, документы и ушла. Жила у одноклассницы на полу. Её мать говорила: «Ничего, потерпит, не в гостинице». Через месяц выгнала.

Фия наконец отпила чай. Мятный, тёплый, такой неожиданно бережный.

— Потом было общежитие колледжа. Потом работа. Официантка, бариста, упаковщица, ночная смена на заправке. Вечно уставшая, вечно голодная. Не потому, что денег нет. А потому, что привыкла. Тело забыло, что такое настоящий голод — тот, при котором хочется есть, а не тошнит от одного вида еды.

Она посмотрела на печенье в синей пачке. Долго. Слов-

но перед ней лежала не сладость, а живое существо, которое может предать.

— Сейчас я ем раз в два дня. Иногда раз в три. Потому что если ем чаще — начинаю себя ненавидеть. Слышу его голос: «Толстая, никчёмная, кто на такую посмотрит?»

Она не плакала. Слезы кончились давно, много лет назад. Но голос её стал совсем маленьким, детским.

— И вот теперь я здесь. Взрослая девушка, которая боится бутерброда. Которая просыпается по ночам, потому что кажется — в комнату кто-то вошёл. Хотя я уже три года живу одна. Дверь на цепочке. И всё равно боюсь.

— Чего именно? — спросил Андрей.

— Что он прав. Что я действительно ни на что не гожусь. Что если я позволю себе быть счастливой — кто-нибудь обязательно придёт и отнимет это. Как тогда.

В кабинете повисла тишина. За стеной работал принтер, где-то смеялись коллеги, но здесь, в этом кресле, время замерло.

Андрей Николаевич медленно, очень медленно, протянул

руку. Не к ней. К столу. Взял пачку печенья, открыл, достал одно — самое маленькое, незаметное.

— Посмотри на меня, Фия.

Она подняла глаза.

— Я не скажу, что всё будет хорошо. Потому что это неправда. Всё будет по-разному. Но я скажу тебе то, что должен был сказать кто-то взрослый, когда тебе было семь.

Он помолчал. Его светлые, выцветшие глаза стали твёрдыми, но не жёсткими.

— Это не твоя вина. Ни голод, ни страх, ни эти шрамы. Ты была ребёнком. Ты делала всё, чтобы выжить. И ты выжила. Это не стыдно — это подвиг, о котором никто не узнает. Но я узнал. И я, чёрт возьми, тобой горжусь.

Фия вздрогнула. Не от слова «чёрт возьми» — от последней фразы.

— Вы мной гордитесь? — переспросила она, будто пробуя незнакомый язык.

— Да. Не за успехи на работе. Не за послушание. А за

то, что ты здесь. За то, что пришла. За то, что рассказываешь самое страшное человеку, которого видишь третий раз в жизни. Это требует смелости. Огромной.

Он положил печенье на салфетку и подвинул к ней.

— Я не прошу тебя есть. Я прошу только об одном. Скажи мне честно, что ты сейчас чувствуешь. Не то, что должна чувствовать. А то, что на самом деле.

Фия долго молчала. Потом провела ладонью по лицу — усталым, бледным, слишком взрослым для её лет.

— Страх, — сказала она. — Я привыкла, что когда я кому-то открываюсь — меня потом используют. Бьют этими же словами. И ещё... — она запнулась. — Ещё благодарность. Противная, вязкая. Потому что никто никогда не говорил мне таких слов. Никто.

Андрей кивнул.

— Страх — это нормально. Благодарность — тоже. Но знаешь, что ещё я вижу в твоих глазах? Соппротивление. Ты сломалась не до конца. Иначе бы ты не сидела здесь. Иначе бы не пришла во второй раз.

Он откинулся на спинку стула.

— У меня есть предложение. Оно не связано с работой. Я знаю одного специалиста — женщина, она бывшая военная. Работает с ПТСР. Очень нежная, несмотря на броню. И очень честная. Если когда-нибудь захочешь — я дам тебе её контакт. Без давления. Без «тебе надо». Просто положу визитку в ящик стола. Когда решишь — возьмёшь.

— А если не решу?

— Тогда я просто буду приносить два стакана с мятным чаем каждый день. И молчать, если захочешь молчать. Или слушать, если захочешь говорить.

Фия посмотрела на печенье. Потом на него.

— Можно я... — она запнулась. — Можно я возьму его с собой? Не сейчас съем. Просто... чтобы знала, что оно есть.

— Можно, — сказал Андрей Николаевич. — И ещё. Забери всю пачку. Мне всё равно никто не покупал это «Лучший начальник». Это я сам себе на день рождения подарил. С иронией.

Она почти улыбнулась. Почти.

Когда Фия выходила из кабинета, печенье в синей пачке она прижимала к груди, как когда-то в детстве прижимала плюшевого мишку — единственное, что мать подарила до того, как пришёл «тот человек».

Дома Фия поставила пачку на стол. Сняла цепочку с двери (потом подумала и снова заперла — но цепочку не накинула). Включила чайник.

Достала одно печенье. Маленькое. Круглое. С надписью «Юбилейное» и крошечной сахарной пудрой на поверхности.

Она держала его в руке пятнадцать минут. Потом откусила крошечный кусочек. Не потому, что была голодна. А потому, что впервые за много лет ей захотелось сделать что-то хорошее для себя. Просто так. Без разрешения. Без страха наказания.

Печенье оказалось сладким. Настоящим. Не обманным.

И Фия заплакала. Не истерикой, не всхлипами — тихо, беззвучно, как плачут люди, которые разучились просить о помощи. Слезы текли по щекам, падали на стол, смешивались с крошками.

Она плакала впервые за долгое время .

И почему-то ей казалось, что где-то там, в бизнес-центре «Север», Андрей Николаевич сейчас тоже пьёт мятный чай и смотрит на фонари. И он знает. Чувствует.

А на следующее утро в её почте пришло письмо. Без темы. С единственной строчкой:

«Ты справилась сегодня. Завтра справишься тоже. Но помни: справляться — не значит делать это в одиночку.

P.S. Печенье можно есть с молоком. Оно так вкуснее».

Фия не ответила. Но в обеденный перерыв она купила маленький пакет молока. И съела ещё одно печенье.

Сама.

Без страха.

Она съела второе печенье на следующий день — не на работе, а дома, в шесть утра, когда город за окном был ещё сирым, не проснувшимся, и только редкие фары машин разрезали утреннюю мглу, как неуверенные скальпели.

Фия сидела на кухне в старом халате, смотрела на белый прямоугольник пакета молока и чувствовала, как внутри неё — где-то глубоко, в подвале души — разгорается крошечный, нелепый огонёк. Не радость. Нет. Скорее недоумение: неужели это всё — по-настоящему? Неужели можно просто взять и сделать что-то для себя, и небо не рухнет, и никто не войдёт с криком, что она недостойна даже этой крошки?

Она макала печенье в молоко — осторожно, как сапёр, обезвреживающий мину. Ждала, когда оно пропитается, станет мягким, податливым. И вдруг вспомнила: так же в детстве — в те редкие, драгоценные дни, когда мать была трезвой и доброй — они завтракали вдвоём. Печенье, молоко, полоска солнечного света на линолеуме. И запах — дешёвого стирального порошка и безопасности. Такой короткий, обманчивый покой перед тем, как в дверь поворачивался ключ и в квартиру вползал тяжёлый, предгрозового воздух его присутствия.

Фия закрыла глаза. Проглотила. Молоко оставило на губах белую, нежную полоску — как след от поцелуя, которого у неё никогда не было.

На работе её встретили шёпотом. Офис — это всегда улей, но иногда он превращается в осиное гнездо, особенно когда

в нём появляется что-то живое и незащищённое.

— Ты видела? Она опять к Туманову ходила, — шипела Настя в кулере, наливая себе кофе с таким видом, будто совершала священный ритуал. — Третий раз за неделю.

— Говорят, он с ней подолгу разговаривает, — подхватила Наташа из бухгалтерии — женщина с лицом вечной неудовлетворённости и тонкими, как лезвия, губами. — Дверь закрывает. Нехорошо это. Начальник и молодая сотрудница.

— Она же страшная, — бросила Настя небрежно, но в голосе её прозвучало остриё. — Что он в ней нашёл?

Фия слышала. Она всегда слышала — этот дар гиперчувствительности, приобретённый в детстве, когда нужно было угадывать настроение хищника по шороху шагов, по тому, как скрипнет половица, по тому, с какой силой он бросит ключи на тумбочку. Тихий, подкожный ужас перед чужим мнением въелся в неё так глубоко, что даже сейчас, взрослой, она вздрагивала от каждого шёпота за спиной.

Она вжала голову в плечи и прошла мимо. Не обернулась. В лифте, оставшись одна, прижалась лбом к холодной, зеркальной стене и прошептала в своё отражение:

— Не обращай внимания. Не обращай. Они не знают.

Но они знали. Они всегда знают самое уязвимое — и бьют туда, даже не целясь. Просто потому, что стадное чувство не терпит инаковости. А Фия была иной — слишком тихой, слишком пустой, слишком прозрачной, как осенний лист, в котором уже не осталось сока.

В этот раз Андрей Николаевич встретил её не с чаем. Он сидел за столом, подперев голову рукой, и смотрел в монитор, но когда Фия вошла — отодвинул клавиатуру, словно отодвигает занавес, за которым начинается другая, более важная сцена.

— Садись, — сказал он, и голос его был тише обычного.
— Я знаю, что говорят.

Она замерла на пороге, будто косуля, учуявшая запах пороха.

— Не бойся. Я не буду это обсуждать. Я просто хочу, чтобы ты знала: моё предложение насчёт специалиста — всё ещё в силе. Визитка в верхнем ящике. — Он постучал костяшками пальцев по столу. — Но сегодня я хочу спросить тебя не о прошлом. О настоящем. Что ты чувствуешь прямо сей-

час, когда все эти женщины с лицами, похожими на куски замёрзшего теста, шепчутся у тебя за спиной?

Фия опустилась в кресло. Оно скрипнуло — жалобно, по-животному.

— Стыд, — выдохнула она. — Как будто я делаю что-то неприличное. Как будто я пришла к вам не за помощью, а... — она не договорила. Горло сжалось.

— А зачем ты приходишь? — спросил он мягко, без единого намёка на давление.

— Потому что вы единственный человек, который не отворачивается. Который видит меня не как пустое место. Который говорит правду, даже когда она колючая. — Она подняла глаза. В них стояла влага, но не пролилась. — Это как глоток воды в пустыне. Вы знаете, что пить из этого источника опасно — он не для всех. Но если не пить — умрёшь.

Андрей Николаевич долго молчал. В вентиляции шумел ветер — такой же безнадёжный, как её мысли неделю назад.

— Тогда давай договоримся, — сказал он наконец. — Ты не обязана быть благодарной. Ты не обязана меня слушаться. Ты не обязана есть печенье, если не хочешь. Единственное,

что я прошу — не исчезай. Если станет невыносимо — скажи. Если захочешь кричать — кричи здесь. Эти стены видели столько отчётности, что один человеческий крик им точно не повредит.

Она почти улыбнулась. Почти.

В тот день она не пошла на обед. Снова. Сидела в пустой переговорке, смотрела на серое небо за окном — оно было похоже на вату, на старую, выстиранную вату, из которой уже ничего не сошьёшь. И вдруг дверь открылась.

Андрей Николаевич вошёл с пластиковым контейнером в руках. Обычный суп — овощной, с морковью, с тонкими нитями лапши, с прозрачным, золотистым бульоном. От него шёл пар и запах укропа — домашний, уютный, невозможный в этом стерильном помещении.

— Моя жена готовит, — сказал он, ставя контейнер на стол. — Она не знает, для кого. Я сказал, что для коллеги, которая болеет. Она положила туда любовь. Не спрашивай, откуда я знаю — я просто знаю.

Фия смотрела на суп. В её голове боролись два зверя: один, старый и голодный, требовал оттолкнуть, отказаться, сбежать. Второй — крошечный, нелепый, почти загнанный

— шептал: «Попробуй. Всего одну ложку. Ради неё. Ради жены, которая положила туда любовь».

— Я не могу, — прошептала она. — Если я сейчас съем — они увидят. Они будут знать, что я слабая.

— Кто — они? — спросил Андрей. — Настя? Наташа? Или тот, кто живёт у тебя в голове и запрещает тебе быть живой?

Она вздрогнула от того, как точно он попал.

— Знаешь, что такое храбрость? — продолжил он, не дожидаясь ответа. — Храбрость — это не отсутствие страха. Это когда ты боишься до дрожи в коленях, но всё равно делаешь. Потому что иначе — не жизнь, а существование. А ты, Фия, заслуживаешь не существования. Ты заслуживаешь жизни. Даже если она будет скукоженной, маленькой, с одной ложкой супа в день. Это уже больше, чем ноль.

Она взяла ложку. Руки тряслись — крупной, осенней дрожью. Ложка звякнула о край контейнера, и этот звук показался ей оглушительным, как выстрел.

Первый глоток. Тёплый, солёный, с морковной сладостью на языке. Суп скользнул в горло — и вдруг Фия поняла, что

не помнит вкуса еды. Настоящей еды, не насильно запиханной, не проглоченной в три секунды, чтобы никто не заметил. Она забыла, что бульон может быть не просто жидкостью — он может быть объятием.

Второй глоток. Третий.

Она ела медленно, как выздоравливающая, как человек, который заново учится жевать. Андрей Николаевич сидел напротив и смотрел в окно, давая ей пространство, воздух, тишину. Не давил взглядом, не улыбался одобрительно — просто был рядом. Тёплым, надёжным, как стена дома, в который можно вернуться.

Когда контейнер опустел наполовину, Фия отодвинула его.

— Спасибо, — сказала она. Голос сел, охрип, но в нём впервые за долгое время не было металлического привкуса лжи.

— Не за что, — ответил он. — Ты сама это сделала. Я только принёс.

Вечером она снова шла мимо мусорных баков. Картошка — рыжий, наглый, с блохастой шерстью и удивительно мудрыми глазами — вылез из-под старой крыши и потёрся о её ногу.

— Сегодня я ела суп, — сказала она коту шёпотом. — Сама. Без принуждения.

Картошка мяукнул — одобрительно, как показалось Фие.

Она достала из сумки маленький пакетик корма (впервые купила его намеренно, не из остатков своей еды). Насыпала на картонку. Кот ел жадно, иногда поглядывая на неё — проверяя, не ушла ли.

— Не уйду, — сказала она. — Пока не доешь.

Она стояла под фонарём, и жёлтый, дрожащий свет ложился на её плечи, как чьи-то осторожные ладони. Внутри — там, где ещё недавно была выжженная пустошь — проклюнулся первый, несмелый росток.

Он был зелёным. Живым. Почти настоящим.

Андрей Николаевич сидел в своём кабинете, дописывал отчёт и краем глаза смотрел на телефон. Он не ждал звонка

— он ждал знака, что она не сломалась. И когда в девять вечера пришло сообщение: «Я покормила кота. И съела полконтейнера. И не вырвало. Спасибо», — он выдохнул так, будто нёс тяжёлую ношу и наконец поставил её на землю.

Он написал в ответ только одно: «Завтра принесу гречку. С грибами. Моя жена делает её невыносимо вкусной».

Фия прочитала, улыбнулась — первый раз за два года настоящей, не вымученной улыбкой — и убрала телефон в карман.

Картошка доел, облизался и важно ушёл в темноту, оставив её стоять под фонарём. Одну. Но больше не потерянную.

Гречку с грибами принес не он. Вернее, не только он.

Вторник, двенадцать тридцать. Фия сидит в пустом переговорном зале — там, где вчера ела суп, — и перебирает бумаги, которые давно уже перебраны. Она не ждёт. Она боится ждать, потому что ожидание всегда заканчивается падением.

Дверь открывается, но вместо Андрея Николаевича на пороге появляется женщина.

Фия замирает. Ладонь, лежащая на папке, сжимается в кулак — старый, животный рефлекс: сжаться, приготовиться к удару.

Женщина не похожа на Настю и Наташу. В ней нет офисной колкости, нет блеска дешёвой бижутерии и желания ужалить. Ей около сорока пяти, волосы — цвета каштанов, собранные в небрежный пучок, из которого выбиваются непослушные пряди. На ней простой свитер — серый, мягкий, с вытертыми локтями. И очки в тонкой металлической оправе, которые делают её взгляд одновременно близоруким и пронзительным.

— Ты, наверное, Фия, — говорит она негромко, и в голосе её нет напора — скорее, теплота, как от печки, которую только что затопили. — Я — Вера. Жена Андрея. Можно просто Вера.

Фия не может вымолвить ни слова. В голове — вихрь: «Зачем? Почему она здесь? Что он ей рассказал? Она пришла ругаться? Выгонять? Унижать?»

Вера не ждёт ответа. Она ставит на стол два контейнера — один с гречкой, другой, поменьше, с чём-то, что пахнет ванилью и яблоками. Садится напротив Фии, не спрашивая разрешения. Садится так, будто имеет на это полное право

— не надменное, а естественное, как право дышать.

— Андрей сказал, что ты ешь по чуть-чуть. — Вера снимает очки, протирает их краем свитера, и Фия замечает, какие у неё руки — узловатые, с чуть распухшими суставами, руки человека, который много месил тесто и мало спал. — Я решила, что гречку нужно принести лично. Чтобы ты знала: это не жалость. Это угощение. Как соседке. Как племяннице.

— Я не... — начинает Фия и замолкает. Горло сдавливает спазм.

— Не надо объяснять, — мягко перебивает Вера. — Я всё знаю. Не от Андрея — он, между прочим, святая простота, рассказал только, что у тебя трудный период. Остальное я увидела сама. В твоих глазах, в том, как ты сидишь — сжатая, будто ждёшь подзатыльника.

Она помолчала секунду, потом протянула руку — не через стол, а по-человечески, ладонью вверх, открыто.

— Я тоже не всегда была Верой в уютном свитере. Я была девчонкой, которую в пятнадцать лет выгнали из дома. Кочевала по подругам, спала на вокзалах. Ела раз в день — и то, если повезёт. — Она улыбнулась — кривовато, с горчинкой. — Так что, Фия, я не доктор и не спасатель. Я просто та,

кто знает, каково это — бояться еды. Бояться людей. Бояться, что тебя выкинут, как мусор, как только ты перестанешь быть удобной.

Фия смотрит на её ладонь. На эти узловатые пальцы, на маленький шрам у основания большого пальца. И вдруг, сама не понимая как, кладёт свою руку в её.

Ладонь Веры оказывается сухой, горячей, чуть шершавой — и невыносимо живой.

— Я принесла шарлотку, — говорит Вера, убирая руку — не резко, а бережно, будто выпускает бабочку. — Яблоки из своего сада. Кислые, с красной кожицей. Андрей говорит, я слишком много кладу корицы. Я кладу ровно столько, сколько нужно, чтобы пахло домом.

Она открывает маленький контейнер. И воздух в переговорной комнате — стерильный, безликий, пропахший тоном для принтера и дешёвым освежителем — вдруг наполняется другим, настоящим запахом. Яблоки. Корица. Ваниль. Выпечка, которая ждала на подоконнике, пока остывает.

У Фии перехватывает дыхание.

— Я не ела шарлотку... — она замолкает, считает в уме.
— Десять лет. Наверное.

— Тем более, — кивает Вера, как будто ничего необычного не происходит. — Тем более надо попробовать.

Она отламывает маленький кусочек — ножом, который принесла с собой (странная, домашняя заботливость) — и кладёт на бумажную салфетку. Не подаёт в руки. Не заставляет. Просто оставляет рядом.

— У меня есть дочь, — говорит Вера, глядя не на Фию, а куда-то в окно, где серое небо медленно, лениво ползёт к закату. — Ей двадцать два. Она учится в другом городе. И я каждый день боюсь, что кто-нибудь сделает ей больно. Что она будет голодать, потому что стесняется попросить. Что она будет молчать, потому что ей кажется, что она никому не нужна.

Она переводит взгляд на Фию. В глазах Веры нет жалости. В них — тихая, суровая нежность, какая бывает у людей, которые сами прошли через пекло и знают цену каждому живому существу.

— Я не могу быть твоей мамой. Я не навязываюсь. Но я могу иногда приносить еду. И сидеть рядом, пока ты ешь.

Молча. Или говоря — как захочешь. Мне не трудно. Мне, если честно, даже в радость.

Фия смотрит на шарлотку. Кусочек влажный, с янтарными прожилками яблок, с хрустящей корочкой по краю. И в ней — в этой Фие, которая десять лет не ела сладкого, потому что сладкое ассоциировалось с наградой, которой она недостойна, — что-то обрывается.

Не плотина. Плотина ещё держится. Но в ней появляется первая, тонкая трещина.

Она берёт шарлотку. Пальцы не дрожат — впервые.

Откусывает.

И мир вокруг становится чуть-чуть другим. Мягче. Сладче. С корицей и кислыми яблоками.

— Вкусно, — шепчет она, и голос её звучит детски, растерянно, будто она только что узнала, что земля круглая, а океан — солёный.

Вера улыбается. Первый раз за этот разговор — широко, открыто, с морщинками у глаз.

— Я знаю, — говорит она. — Я же пекла.

В тот же вечер, когда Фия ушла домой — с двумя пустыми контейнерами (гречка исчезла почти целиком, шарлотка — наполовину), — Вера застала мужа в кухне. Он мыл посуду и смотрел на фонари за окном — такая у него была привычка.

— Ты не рассказал мне главного, — сказала Вера, при-
слоняясь к косяку.

— Чего именно? — не оборачиваясь, спросил Андрей.

— Что она выглядит как будто живет в мусорке. Что у неё
взгляд загнанной лошади. Что она боится взять ложку, как
будто ложка может ударить.

Он выключил воду. Повернулся. В его светлых, выцвет-
ших глазах стояла усталость — не та, что от бессонницы, а
та, что от бессилия перед чужой болью.

— Я не мог рассказать. Это не моя тайна.

— Я знаю, — Вера подошла и положила ладонь ему на
грудь — туда, где сердце. — И я не злюсь. Я горжусь. Ты
нашёл её — такую потерянную — и не прошёл мимо. Как
когда-то нашёл меня.

Андрей накрыл её руку своей. Пальцы у него были длинные, тёплые, с ввевшейся в кожу типографской краской.

— Что будем делать? — спросил он.

— Кормить, — ответила Вера просто. — Греть. Не давать исчезнуть. А если согласится — отвести к Нине Павловне. Той самой, из военного госпиталя. Она таких, как мы, на ноги ставила. И не таких поднимала.

Они помолчали. За окном зажглись фонари — жёлтые, неровные, такие же, как в тот вечер, когда Андрей впервые сказал Фие про них.

— Ты знаешь, — тихо произнёс он, — у неё внутри живёт монстр. Не она его породила — его посадили туда, когда она была маленькой. И теперь она не знает, как его выгнать.

— Выгоним, — сказала Вера и поцеловала мужа в плечо.
— Вместе.

Фия не знала этого разговора. Она сидела на корточках у мусорных баков, смотрела, как Картошка уплетает корм из новой, чистой миски (она купила её сегодня — за девяносто рублей, в переходе метро, с рисунком рыбки на дне).

— Сегодня я ела гречку, — рассказывала она коту шёпотом. — И шарлотку. И никто не заставлял. И меня не вырвало. И... у неё такие руки. Тёплые. Как будто... как будто можно.

Картошка поднял морду. У него был разбойничий взгляд — зелёный, наглый, но сейчас в нём мелькнуло что-то похожее на понимание.

— А ещё, — Фия запнулась, сглотнула комок, — она сказала, что её дочери двадцать два. И что она боится за неё. И я... я подумала: а боялся ли за меня кто-нибудь? Хоть раз?

Она замолчала. Ветер шевелил волосы, небо над головой было тёмным, бесконечным, усыпанным редкими, робкими звёздами.

— А потом я поняла, — продолжила она ещё тише, — что, наверное, боялся. Андрей Николаевич. Он боится. Я вижу это по его глазам. Он боится, что я исчезну. И Вера тоже.

Кот мяукнул — требовательно, нетерпеливо, мол, давай дальше, не тяни.

— И это странное чувство, — сказала Фия. — Когда о

тебе бояться. Не потому, что ты должник. Не потому, что ты удобный. А потому, что ты — это ты. И если тебя не станет, мир станет чуть пустее.

Она достала из кармана половинку шарлотки — бережно завёрнутую в салфетку, припасённую для кота (хотя коты, кажется, шарлотку не едят).

— Картошка, я, кажется, начинаю верить, что живу не зря.

Кот лизнул её палец — шершавым, шоколадным языком — и важно удалился в кусты, оставив Фию одну под фонарём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.